

LR.H
R 8937кy

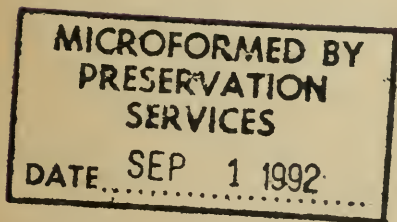
Розановъ В. В.
(В. В. Розановъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ

Литературные очерки

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

2. 12. 1902
Издание 2-е.

519808

22. 3. 51

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.

1902.

роевъ, какъ Багратіонъ, Барклай, какъ черноморскій Лазаревъ? И какое множество-множество еще именъ, на коихъ практически совершилось прекраснѣйшее изъ возможныхъ «слияніи центра съ окраинами»!

Я знаю, что мысли мои вызовутъ много протестовъ; что же, вѣдь я даю не программу, а почти мечту. «Не раскололась бы Россія», говорятъ ея фактическіе и недалекіе раскалыватели; я же къ политическому цементу прибавлю и моральный: «послужились всѣмъ—да и тебѣ послужать».

3. «Горе отъ ума».

Представленія въ сезонномъ Кисловодскомъ театрѣ открылись комедіей «Горе отъ ума». Имя Грибоѣдова связано по трагической кончинѣ съ Кавказомъ, и, можетъ быть, поэтому его комедія открываетъ собою театръ. Первые іюльскіе дни здѣсь былъ холодъ и дождь: на Бермаудѣ, въ 40 верстахъ отъ курорта, выпалъ глубокій снѣгъ и испортилъ недѣлю, полторы недѣли для всей окрестности. Отъ нечего дѣлать, я пошелъ въ театръ; играли, однако, необыкновенно дурно; оставалось, почти зажимая глаза на игру, слѣдить за текстомъ знаменитаго литературнаго произведенія и еще разъ невольно переоцѣнивать его.

Вѣсмертность комедіи «Горе отъ ума» основана на множествѣ необыкновенно удачно обдуманыхъ мыслей, удачно подумавшихся и удачно сказавшихся. Нѣтъ ни одного еще произведенія въ русской литературѣ, строки коего до такой степени запомнились бы и такъ часто повторялись бы въ обиходной рѣчи, т. е. ни въ одномъ произведеніи нѣтъ столькихъ формулъ не превосходимой краткости, ясности и точности для характеристики многоразличныхъ житейскихъ положеній, отношеній, или для выраженія ироніи, негодованія, или, наконецъ, для обрисовки глупости, грубости, низости. Комедія каждому нужна, потому что она каждому даетъ неистощимый почти запасъ прекрасныхъ мыслей и словъ въ обиходѣ дѣйствительности; даетъ слово безсловесному и умъ ограниченному, при самой легкой степени литературнаго образованія и вкуса. Достаточно не смѣшать себя со Скалозубомъ или понять низость Молчалина, чтобы имѣть возможность въ тысячѣ случаевъ показаться Чацкимъ или родственнымъ Чацкому. И все это—безъ поддѣлки и усилія, само собою; такъ велико и естественно во всякомъ очарованіе необыкновеннымъ литературнымъ произведеніемъ. Можно сказать: съ появленіемъ этой комедіи, которая еще въ рукописи, какъ извѣстно, разошлась и выучилась всею читающею Россіей, Россія и весело и свободно вошла въ нѣкоторый лучшій, чистѣйшій эмпирей повятій и вкусовъ, заговорила новымъ языкомъ и на новыя темы о новыхъ предметахъ. «Грамотное», «обу-

чающее» значеніе этой комедіи — необыкновенно; ни одну школу Россія не проходила такъ охотно; ни одна школа не наводила на своихъ питомцевъ столько политуры и глянца; ни одна не была такъ непререкаема, такъ трудна для оспариванія. Въ чудной этой комедіи какъ бы уже данъ отпоръ на всякую попытку ея критики: неувядаемая острота, въ ней именно написанная, соскальзываетъ съ губъ всякаго вашего слушателя, передъ которымъ вы вздумали бы отрицать или оспаривать истину нѣсколькихъ тысячъ афоризмовъ, изъ которыхъ она составлена. Нѣтъ произведенія — и быть можетъ не въ одной нашей литературѣ — болѣе счастливаго и сыгравшаго болѣе счастливую роль.

Чувство счастья вообще разлито въ пьесѣ; если отъ отдѣльныхъ афоризмовъ, ее составляющихъ, мы перейдемъ къ ея тону — мы почувствуемъ, что это есть существенно побѣдный, побѣждающій тонъ. Маленькая неудача въ краткомъ романѣ Чацкаго есть только необходимѣйшее условіе его нравственной надъ слушателями или читателями побѣды; ореоль страдальчества необходимъ герою, и въ данномъ случаѣ онъ данъ главному лицу въ той легкой дымкѣ почти только неудовольствія, которое разрѣшается заключительнымъ крикомъ:

Карету мнѣ, карету...

Самое страданіе его — быть объявленнымъ сумасшедшимъ отъ глупцовъ, сумасшедшимъ за явное превосходство ума — конечно есть тотъ видъ страданія, который показался бы лакомою участію почти каждому изъ смертныхъ. Можно сказать

Карету мнѣ, карету

— и есть олимпийскій вѣнокъ, который авторъ надѣлъ на голову первому бѣгуну великаго умственного ристалища. Позади его, уѣхавшаго въ вѣнкѣ

искать,

Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ,

остаются совершенно глупыя, «побитыя» «чампіономъ», лица Фамусова, Софьи и Молчалина. Говоря о побѣдномъ тонѣ комедіи, мы однако разумѣемъ не рѣчи Чацкаго: мы разумѣемъ самый замыселъ комедіи и то чувство, которое принадлежитъ не лицамъ произведенія, но самому автору. Грибоѣдовъ не пережилъ ни одной изъ тѣхъ глубокихъ практическихъ коллизій, которыя пришлось пережить Пушкину, Лермонтову, Достоевскому, Толстому, Гоголю: ни коллизіи расхожденія между равно близкими родными (Лермонтовъ), ни — исполненнаго какого-то недоумѣнія положенія среди общества и въ «рангахъ» государства (Пушкинъ), ни — расхожденія между страданіемъ и любовью къ тому, отъ кого или отъ чего страданіе (Достоевскій), ни — расхожденія между своимъ громад-

нымъ умомъ и не пройденною, или плохо пройденною, отвергаемою школою (Толстой); не говоря о болѣе тайныхъ и болѣе глубокихъ нравственныхъ мученіяхъ. Поэтому критика, съ которою выступилъ Грибоѣдовъ и которая, какъ извѣстно, составляетъ содержаніе «Горя отъ ума», существеннымъ образомъ есть критика счастливаго, радующагося человѣка.

Грибоѣдовъ имѣлъ радость въ своей молодости, въ здоровьи, въ прекрасной и любящей женѣ, въ счастливо слагавшейся службѣ, въ сознаніи высокаго и прекраснаго своего таланта. Онъ такъ былъ беззащитно счастливъ, т. е. ему даже не приходила на умъ возможность или необходимость скрыть это, что онъ просто и спокойно, нѣсколько наивно, выразилъ это въ самомъ заглавіи пьесы. Какъ счастливъ былъ бы кто-нибудь, еслибъ ему выпало на какомъ-нибудь—пусть очень «умномъ»—своемъ произведеніи прямо написать: «произведеніе умнаго человѣка», какъ это почти написалъ Грибоѣдовъ, сливъ, очевидно, лицо свое—съ Чацкимъ, и объявивъ, что этотъ послѣдній несетъ «горе», даже до страданія—

...карету мнѣ, карету—

не по иной какой причинѣ, какъ отъ чрезвычайнаго излишества у него «ума». Этимъ объясняется осторожное замѣчаніе Пушкина, выраженное сейчасъ послѣ чтенія комедіи: «Грибоѣдовъ, конечно, уменъ, но не уменъ—Чацкій», и то вообще, что тысячи его критиковъ чувствовали себя вынужденными высказаться прежде всего объ «умѣ» комедіи, какъ бы сказать «да» или робкое «нѣтъ» въ отвѣтъ на ярко выставленное «да» въ заголовкѣ, въ тонѣ, въ манерѣ счастливаго произведенія.

Этихъ критиковъ было гораздо болѣе, чѣмъ ихъ вообще видно. Произведеніе такъ знаменито, что молча или вслухъ почти каждый русскій писатель переживалъ пору мысленной его критики. Тамъ, въ самомъ концѣ комедіи есть слова одной изъ московскихъ старухъ о приобрѣтенной ею «арапкѣ»:

да какъ черна, да какъ страшна...

—знающій комедію: найдеть безъ труда эту строку. Въ «Войнѣ и Мирѣ», которая имѣетъ темою обзоръ и критику именно критикуемой и Грибоѣдовымъ эпохи, есть фраза, среди размышленій о Москвѣ и глубочайшихъ родникахъ нашей побѣды надъ Наполеономъ: «вотъ именно такая-то (имя и отчество), которая, забирая своихъ араповъ, дурь и шутихъ, выѣзжала изъ Москвы съ смутнымъ сознаніемъ, что она — Бонапарту не слуга,—тысячи такихъ лицъ и такъ чувствовавшихъ и создали необходимость для Наполеона понять, что съ занятіемъ пустой столицы война не кончилась, что борьба и вообще не имѣетъ ни опредѣленнаго предмета, ни опредѣленныхъ границъ; и понудили его, тоже въ какомъ-то

недоумѣнн, выйти злобно и не понимая, что и для чего онъ дѣлаетъ, изъ Москвы—назадъ». Такъ многотумно, послѣ годовъ внимательнѣйшаго изученія документовъ и размышленій, рѣшилъ о той же самой эпохѣ, и даже о тѣхъ самыхъ лицахъ, о коихъ съ Фамусовымъ мы можемъ повторить:

Ба! знакомыя все лица...

—рѣшилъ болѣе позднѣй и не такъ счастливо себя чувствовавшій писатель. Резюмируя причину того, что ему пришла съ спасовать въ «любви» передъ Молчалинымъ, Чацкѣй заключаетъ монологъ словами, что-де—«впрочемъ

... чтобъ имѣть дѣтей

Кому ума не доставало...

—и именно этимъ двустипишемъ, почти сводя свою статью къ его критикѣ, Достоевскѣй начинается въ «Дневникѣ Писателя», знаменитую свою статью: «Земля и дѣти», которую, если разсмотрѣть внимательно, можно счесть программю ко всей его литературной дѣятельности. Статья содержитъ разсмотрѣнне положенія Западной Европы—положенія начинающагося тамъ «вырожденія», и сводитъ родники этого вырожденія къ разрыву челоуѣка «съ землею» къ разрыву его «съ дѣтьми».

Кому ума не доставало...

—«а вотъ недостаетъ же», восклицаетъ Достоевскѣй, и съ величайшею глубиною и страстью настаиваетъ на этомъ, казалось бы, элементарнѣйшемъ и въ дѣйствительности очень глубокомъ и трудномъ «умѣнн». «Земля и дѣти»—въ самомъ дѣлѣ въ формулѣ этой содержится самая удачная критика «ума» комедии, къ которому мы и переходимъ.

Это есть «умъ» какой-то обстановочный; умъ, насколько онъ употребителенъ и нуженъ для обстановки нашего бытiя, но не для самого бытiя. Все великое «горе» Чацкаго и автора есть въ сущности самый счастливый видъ горя: ибо оно происходитъ единственно отъ расхожденiя во вкусъ и требованiи — меблировать-ли домъ въ стилѣ «рококо», Louis XVI или Empire. Все содержанiе комедии вращается около фасоновъ; и даже отсюда, отъ этого предмета критики, исходитъ фасонность самой критики, ея рѣзкіе углы, тонкіе и изящные словесные завитки, которые собственно и произвели великую общую ея запоминаемость, какъ и составили условіе ея счастливой побѣды. Дальше «фасона» критика не простирается; дальше требованiя—смѣнить однѣмъ видъ «стиля» другимъ, новѣйшимъ, авторъ не задается. Отъ него нельзя провести соединительной линiи къ Лаврецкому, но очень можно — къ Паншину, такъ удачливо начавшему ухаживанье за «соломенной вдовой» пер-

ваго; огрубите Чацкаго, нѣсколько съузьте его умъ и, ни въ чемъ не мѣняя его существеннаго колорита, вы получите типъ такъ удачно нарисованнаго Тургеневымъ петербургскаго чиновника «изъ молодыхъ и гѣломѣ». Въ «Войнѣ и Мирѣ» Алпатычъ ѣдетъ въ Смоленскъ, штурмуемый и почти взятый французами, и, озираясь на хлѣбныя поля, почти не замѣчаетъ, гдѣ и среди какой «страждущей» обстановки онъ; Толстымъ посвящено нѣсколько страницъ на его (почти) «бормотанье» объ урожаѣ и прочемъ. Геніальныя страницы, но ихъ геніальность нельзя почувствовать, мысленно не придвинувъ ихъ къ «Горю отъ ума». Вотъ — противоположность, вотъ—расхожденіе; здѣсь опять «земля»—та «земля», которая побѣдила Наполеона, прожила 1,000 лѣтъ, смѣнивъ на себѣ много фасоновъ, и которую, какъ величайшую цѣнность, собирался «пахать» Лаврецькій. Сущность «ума» комедіи Грибоѣдова заключается не только въ безъ-внимательности къ этой «землѣ», но и просто въ непостиженіи о ней ничего, кромѣ того, что о нее «ушибся Молчалинъ», и тутъ ужъ, конечно, острота:

Контузился—затылкомъ или въ спину?

Комедія движется на паркетѣ, и ея безпримѣрно изящный словесный сгибъ есть именно словесная кадриль, съ чуднымъ волшебствомъ проходимая по навощенному полу, и которая оборвется, не нужна, не возможна какъ только вы уберете это условіе паркета подъ нею. То-есть «умъ» комедіи чрезвычайно условный—мѣстный и частный; умъ, о коемъ никакъ нельзя сказать, что въ немъ

—дистанція огромнаго размѣра,

какъ это невольно хочется сказать объ «умѣ» «Войны и Мира», т.-е. ея автора, Достоевскаго, Тургенева, и даже объ «умѣ» и «смѣткѣ» простаго мужика Алпатыча. Въ «Горѣ отъ ума» выразился вкусъ, и, такъ сказать, вкусъ исключительно мебельнаго, фасонно-дѣлательнаго характера, своей минуты и своего мѣста. Мужикъ Алпатычъ живетъ полною жизнью; это — полный человѣкъ, полная фигура человѣка: напротивъ, въ «Горѣ отъ ума» есть только чемпионы кажущагося «ума», бѣгущіе до поставленной авторомъ мѣты, причемъ почти всѣ не добѣгаютъ и за это осмѣиваются авторомъ, и успѣшно, даже раньше срока, достигаетъ этой мѣты одинъ. Такимъ образомъ, самое построеніе комедіи чрезвычайно бѣдно, безжизненно, и до нѣкоторой степени, имѣя въ виду именно любопытство зрителя или читателя, не «умно». Менуэть или польскій, который отплясываютъ (и на сценѣ довольно красиво) москвичи, вопреки укорамъ Чацкаго, есть единственное въ ней жизненное и, такъ сказать, физиологическое дѣйствіе.

Вообще недостатокъ физиологіи, жизнеоборота, «круговращенія силъ мірскихъ» — паразителенъ въ пьесѣ. Она не основана ни на

какой страсти, ни на одной привязанности. Страсть Чацкаго—исключительно головная, страсть къ произнесенію рѣчей и, такъ сказать, къ тысячному надписанію на фронтовѣ бытія своего: «горе (миѣ) отъ ума»; но, напримѣръ, его страсти къ Софѣ мы должны повѣрить на-слово, ибо въ чемъ же и какъ она выразилась, кромѣ совершенно холодныхъ ужимокъ во время ея обморока и глядѣнья въ дверь, когда она выходитъ изъ гостиной? Вообще отсутствіе темперамента, горячности сердца—у Чацкаго или автора—поразительно: и тутъ проходитъ граница ихъ обоихъ «ума». Подобнаго восклицанія:

А ты, съ которой былъ срисованъ
Татьяны милый идеаль...
О, много, много рокъ отъяль!

—подобнаго этому, внезапно воскликнувшемуся у Пушкина восклицанію, нѣтъ въ комедіи ни одного. И вообще замѣчательно, что въ ней нѣтъ совершенно ни одного слова и никакого игриха трогательнаго, милаго или наивнаго; такъ что параллель съ Паншинымъ и то, что самъ авторъ такъ рано и молодо дослужился до

... степеней извѣстныхъ.

неволью приходится на умъ и безспорно свидѣтельствуешь объ исключительно дѣловыхъ, служебныхъ качествахъ его «ума», безъ примѣси даже чуточки поэзій, «пѣсенки» или «сказочки» въ складѣ его способностей. «Горе отъ ума» есть самое не поэтическое произведеніе въ нашей литературѣ, и какое вообще можно себѣ представить.

Есть или были попытки сблизить Грибоѣдова съ декабристами, и напр. монологъ Чацкаго о «французикѣ изъ Бордо», гдѣ онъ говоритъ о «прекрасной нашей до Петра одеждѣ», въ самомъ дѣлѣ соприкасается съ мыслью и тономъ «Историческихъ думъ» Рылѣва (см. изд. 1825 г.). Тутъ даже можно предполагать заимствованіе, т. е. Грибоѣдовымъ отъ Рылѣва. Но опять есть глубокая между декабристами и Грибоѣдовымъ разница—въ темпераментѣ. Извѣстно, что очень много было въ обществѣ 1825 года людей, которые, будучи чуть-чуть не захвачены при арестѣ декабристовъ, — такъ близко стояли они къ нимъ,—въ дѣйствительности стали «разбирателями ихъ дѣла». Грибоѣдова вполне можно представить въ ихъ кругѣ; что это были люди свѣта и добра, т. е. что говоря такъ о Грибоѣдовѣ—мы не говоримъ о немъ ничего дурного, въ этомъ свидѣтелями служатъ имена Блудова или, напр., Никитенко; тутъ проходитъ тонкое разграниченіе—именно въ темпераментѣ. Въ самомъ концѣ «Войны и Мира»—въ расхожденіи характеровъ Пьера Безухова и Николая Ростова, изъ коихъ очевидно, одинъ ринется «къ памятнику Петра I», «около сената», а второй, «упрямо и не разсуждая», станетъ «на сторону Аракчеева», — глубоко выражена

правда обонхъ движеній: субъективная правда группировки и «около зимняго дворца» и «около монумента Петру». Ростовъ, какъ нравственный образъ, не ниже Безухаго; Россія не стояла бы такъ твердо 1,000 лѣтъ и не готовилась бы стоять еще 1,000 лѣтъ, и еще «паче тверже», если бы на сторонѣ ея историческихъ устоевъ, ея фактической дѣйствительности не стояли люди безупречнаго сердца и великаго умственнаго идеализма. Въ превосходной обрисовкѣ Ник. Ростова—студента, улана, дворянина, мужа некрасивой и безцѣнно прекрасной Marie Болконской,—показана эта историческая и бытовая наша правда; до этихъ глубинъ постиженія Грибоѣдовъ никогда не додумывался (ошибочный типъ Скалозуба), но и до безразсудныхъ, т. е. гениальныхъ въ безразсудствѣ своемъ, фантазій Пьера—онъ не доросъ. Вѣдь тотъ былъ сынъ екатерининскаго вельможи, который

...жилъ при дворѣ,

Да при какомъ дворѣ...

—и просто у автора «Горе отъ ума» не было крови, не было того шампанскаго въ нервахъ, которое бросило бы его «къ сенату», къ «монументу Петра» 14-го декабря. Онъ резонировалъ бы, присматривался бы, — да вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ присматривался, и резонировалъ—«рисовалъ узоры перомъ» для будущей комедіи, не поспѣшивъ ни туда, ни сюда.

Въ «Милліонѣ терзавій» Гончаровъ отмѣтилъ невѣрность пониманія Грибоѣдовымъ типа и характера Софьи: въ самомъ дѣлѣ, ея привязанность къ Молчалину, молчащему идиоту, когда къ ней привязанъ говорящій гений, Чацкій, принадлежитъ положительно къ бессмысленнымъ чертамъ комедіи, и замѣчательно, что она поставлена въ центрѣ, образуетъ завязку и развязку пьесы. Гончаровъ тонко говорить, что Софья—въ условіяхъ времени своего и своего мѣста—представляетъ новое, цѣнное и любопытное лицо: она вглядывается въ обстановку, ее окружающую, всматривается въ людей, она выбираетъ, а не повинуется. Въ самомъ дѣлѣ, если вспомнить каменную Еленъ Безухову въ «Войнѣ и Мирѣ»—Софья скромное и прекрасное явленіе своего времени, которое, перебирая дѣйствительность, тянется къ какому-то внутреннему въ человѣкѣ свѣту; и расширивъ и углубивъ ея образъ, мы исторически можемъ дотянуться до Лизы Калитиной (въ «Дворянскомъ гнѣздѣ»), или Вѣры (въ «Обрывѣ»), и вообще подобныхъ положительныхъ въ нашей жизни и литературѣ типовъ. Но любящій тянется за собой и любимаго: Грибоѣдовъ былъ слишкомъ счастливъ, и притомъ самоувѣренно-счастливъ, чтобы—живи онъ на четверть вѣка позднѣе—въ скромномъ, напимѣръ, и застѣнчивомъ Басистовѣ, молча и благоговѣнно поклонявшемся Рудину, ему не показался тоже Молчалинъ; и онъ могъ бы, зная любовь того къ словеснымъ наукамъ, предложить ему снять копію, «для образца слога», съ знаменитой своей

комедіи. Произошло бы великое qui pro quo между кажущимся и дѣйствительнымъ умомъ.

Одинъ Молчалинъ—миѣ не свой,
И то за тѣмъ, что—дѣловой,

—и его любить скромная, застѣнчивая, затаянная въ себѣ Софья. Вотъ двѣ фундаментальныя въ типѣ черты, около которыхъ все остальное—риторика и клевета. Такъ о Сперанскомъ, скромномъ преподавателѣ Владимірской семинаріи, передавали тоже въ 10-хъ и 20-хъ годахъ въ Петербургѣ, что, будто бы, когда за нимъ пріѣхала карета «взять его въ Большой домъ», то по незнанію и «молчалинской скромности» онъ вскочилъ на ея запятки. Чувство смѣха надъ Сперанскимъ въ петербургскомъ обществѣ сливается съ чувствомъ смѣха Грибоѣдова надъ Молчаливымъ, сливается до подробностей анекдота. Молчалинъ—даже стыдно его защищать, до того въ данномъ пунктѣ силенъ Грибоѣдовъ, мощенъ талантъ его ошибки, принимая во вниманіе два прорвавшіеся у автора штриха,—есть типъ начинающаго невиднаго работника въ государственномъ укладѣ, на мѣсто тѣхъ екатерининскихъ, коимъ

на куртагъ случалось оступиться.

Ихъ ко двору не звали, во дворъ они не рвались, но скоро овладѣли всѣмъ государственнымъ механизмомъ. Что-нибудь изъ семинаристовъ, упорное и тихое; третъестепенный Сперанскій или третъестепенный изъ его помощниковъ. Кстати, соединяющая черта: знаменитый государственный секретарь былъ сантименталенъ; онъ былъ женатъ на нѣмкѣ—случай сочетанія не частый у насъ—и, рано потерявъ жену, никогда не полюбилъ во второй разъ, храня какой то культъ единственной въ своей жизни любви. Вѣдь то была пора, т.-е. Сперанскаго и Молчалина, когда и сочиняли, и пѣли—

стонеть сизый голубочекъ,

—и какъ-то умѣли это соединять съ воловьей государственной работой. Мы можемъ представить, что эту пѣсню пѣлъ во Владимірской семинаріи Сперанскій; и съ другой стороны мы можемъ дорисовать, что непонятно привязавшій къ себѣ Софью секретарь Фамусова, случись ему быть секретаремъ у государственнаго челоуѣка, могъ бы написать докладъ, и «слогу» и содержанію котораго захотѣлъ бы подражать Грибоѣдовъ. Мы прикидываемъ все это примѣрно; говоримъ, что въ пьесѣ есть какое-то недоумѣніе въ пониманіи своей эпохи, какъ на это можемъ указать, ссылаясь на невольную критику ея въ «Войнѣ и Мирѣ»,—недоумѣніе въ пониманіи самыхъ типовъ комедіи, какъ на это указалъ Гончаровъ, и мы только нѣсколько продолжаемъ и развиваемъ мысль послѣдняго.

Исторически «Горе отъ ума» продолжаетъ «Недоросль» Фонвизина; только здѣсь «недорослемъ» названо и показано все русское общество, какъ оно сложилось къ двадцатымъ годамъ этого столѣтія, какъ оно массою ослѣло, а не выдѣлилось порознь высокими даровитыми лицами (критикующіе декабристы; Никитенко, Блудовъ). Въ Грибоѣдовѣ сказался все тотъ же

птенець гнѣзда Петрова.

какими были, отъ Кантемира и до него, многіе, если не всѣ, сатирики русской литературы. Съ Пушкина, но въ особенности съ 50-хъ годовъ и по-сейчасъ, вся русская литература пошла существенно по другому руслу: пробудилось уваженіе именно къ быту, такъ-таки и «не доросшему» до поставленныхъ литераторами лѣтъ,—къ быту, каковъ онъ есть—къ обществу въ его историческомъ сложеніи. Все героическое, въ особенности все героически-говорящее—принизилось; все общее, безличное, казавшееся «молчалинскимъ» или «недоросшимъ», было приподнято къ свѣту—«и такъ и этакъ» начало «разглядываться на свѣтъ». Рядъ прозорливцевъ дѣйствительно удивительнаго «ума» началъ всматриваться въ эту компактную, безличную массу: и Тургеневъ нарисовалъ Чертопханова изъ лица, которому почему бы не показаться «недорослемъ»; Увара Ивановича (въ «Наканунѣ») — изъ лица, котораго на первый бы взглядъ можно счесть Скотиничнымъ; и, можетъ быть, «Гамлета Щигровскаго уѣзда», вѣдь дѣйствительно забытаго, дѣйствительно, смѣшнаго—изъ лица, которое опять-таки Грибоѣдову показалось бы необыкновенно жалкимъ и неосмысленнымъ. Все показалось иначе, какъ только иной взглядъ посмотрѣлъ на дѣйствительность. Мы упомянули объ обучающемъ, грамотномъ значеніи комедіи; но это значеніе, даже въ самый мигъ ея появленія, не было просвѣщающимъ, развивающимъ. Сущность развитія и просвѣщенія заключается во вниманіи, въ сомнѣніи о себѣ, въ пристальности къ другому. «Горе отъ ума» бѣдно вниманіемъ.

Трагическій конецъ въ Персіи ея автора составляетъ какъ бы эпилогъ комедіи—первое и единственное настоящее горе, которое испыталъ Грибоѣдовъ. Какъ ни грѣшно судить его въ этотъ мигъ, но не возможно же не указать, что въ самомъ дѣлѣ онъ совершенно забылъ, куда и зачѣмъ, съ какими точными полномочіями пріѣхалъ, и продолжалъ мыслить и дѣйствовать въ Тегеранѣ, какъ бы въ Петербургѣ. Именно, онъ сталъ растаскивать у «долгонолыхъ» персіяшекъ ихъ женъ—пунктъ именно той «земли», о «камень» которой онъ и въ самой комедіи «преткнулся ногою». Намъ, съ христіанской точки зрѣнія, трудно понять, что и какъ тутъ мыслятъ персіяне: но мы знаемъ, и Грибоѣдовъ могъ знать ихъ исторію, что за подобныя посягновенія тамъ всегда братъ убивалъ брата. Хитрый Ахитовель, чтобы порвать связь возмущившагося Авесса-

лома съ отцомъ, дазь тайный совѣтъ первому: «войди къ женамъ отца твоего». Правда, въ Тегеранѣ то были похищенные у грузинъ дѣвушки, но на Востокѣ, опять со временъ Давида и Вирсави, женъ вообще какъ-то воруютъ, «умыкають»: обычай, который намъ не можетъ показаться особенно ужаснымъ, если мы сопоставимъ и отѣнимъ его частымъ у насъ обыкновеніемъ «кидать», «оставлять» дѣвушекъ, «бросать» и женъ. Во всякомъ случаѣ, тутъ есть особое и уже двухтысячелѣтнее «умоначертаніе». Чего, по Ахитовелеву разсужденію, не могъ вынести псалмопѣвецъ и долженъ былъ возжаждать крови сына,—естественно не могли простить «чрезвычайному послу и полномочному министру» дикіе тегеране: городъ заготовалъ, пошло «кругообращеніе» страстей—все то, чему дано такъ мало мѣста въ «Горѣ отъ ума». Долгополые ринулись на зданіе посольства, чтобы сдѣлать «сѣкимъ башка» человѣку такихъ высокихъ талантовъ и ума. Все было дико и ужасно въ ужасный день—въ этотъ азіятско-европейскій день, гдѣ униженный, уже давно униженный Востокъ яростно бушевалъ надъ горстью закинутыхъ судьбою къ нему людей. Говорятъ, трупъ убитаго едва былъ узнать безконечно-любящей его женой. На прекрасномъ монументѣ его, въ Тифлисѣ, вырѣзаны прекрасныя слова, за которыми намъ слышится «сказка» прекрасной и истинной любви. Сейчасъ мы не помнимъ буквально этихъ словъ: ихъ знаетъ всякій приблизительно и можетъ перечестъ буквально въ каждой изъ безчисленныхъ біографій писателя. Многозначительнымъ въ этой надписи намъ представляется то, что ея трогательныя слова проговорила надъ писателемъ именно та «земля», та «Ева», та суть бытія и жизни—нѣкоторая глухота къ чему составила ошибку его жизни и комедіи.

4. Военно-Грузинская дорога.

Главная прелесть Кавказа—не въ горахъ; горы, пока вы не втянулись въ дефиле Военно-Грузинской дороги, собственно не представляютъ ничего поразительнаго. Эти огромные горбы, стоящіе на совершенно плоской равнинѣ, возбуждаютъ болѣе умственнаго любопытства, нежели зрительнаго любованія; не понимаешь, какъ и почему они произошли, но совершенно равнодушно переводишь глазъ съ нихъ на окружающую равнину. Къ тому же, они очень малы (для впечатлѣнія) по одной особенной причинѣ: когда вы ѣдете въ горную страну, въ вашихъ ожиданіяхъ вырисовываются именно горы; «горы» и «горы»—и ничего еще болѣе, т. е. онѣ закрываютъ собою все, подчиняютъ себѣ все, подавляютъ себѣ все. Вы пріѣзжаете: и вдругъ съ неприятнымъ разочарованіемъ видите, что эти горы—лишь бугорки на необъятно раскинувшейся равнинѣ, лишь точки, пики подъ синевою неба. Вы не приняли во вниманіе, что вѣдь небо не будетъ закрыто, не закроется и степь: а,